

Егор ГАЙДАР:

МЫ, КАЖЕТСЯ, СОРВАЛИСЬ ВСЕРЬЕЗ

Егор Гайдар выступил на очередной встрече политиков, бизнесменов и экономистов в клубе «Взаимодействие», созданном под эгидой Рабочего центра экономических реформ при правительстве России.

Было тревожно, но ничто не предвещало...

В начале декабря лично мне казалось, что у правительства есть некая свобода маневра. Чем она определялась? Тем, что уже в полной мере проявилась устойчивая зависимость: с разрывом в месяц — между динамикой денежной массы и курсом рубля к доллару, с разрывом примерно в два месяца — между ростом денежной массы и изменением розничных цен и объемов производства. После того как в сентябре правительство ужесточило бюджетную политику и спала потребность в дополнительных сезонных кредитах селу, а Центральный банк стал строже в кредитной политике, темпы роста денежной массы пошли устойчиво на убыль. В ноябре они выросли всего на 5 — 7% по сравнению с 25 — 30% летом. Это радикальный перевод регистра, который предопределил и декабрьское укрепление курса рубля к доллару, и возможность ЦБ аккумулировать довольно значительные валютные резервы. В том числе за счет займа Международного валютного фонда и соглашения с Мировым банком на 600 млн. долларов.

Естественно, ужесточение финансово-кредитной политики сентября — ноября привело к перелому динамики объемов производства. В ноябре они упали до своего августовского уровня. И в принципе было ясно, что тенденция плавного снижения, заданная предшествующим изменением денежной массы, сохранится в декабре — январе. Но одновременно все-таки происходили структурные изменения — некоторый прогресс в приватизации, приспособление предприятий к новым условиям хозяйствования. В перспективе шансы на подавление инфляции, мне думалось, были. Однако ставить перед собой амбициозные задачи радикального подавления инфляции представлялось достаточно неразумным. В принципе, конечно, хорошо, но слабодостижимо. Очень трудно осуществлять такую программу, когда два института власти — Верховный Совет и ЦБ — строят свою политику с явно инфляционным уклоном.

Ну а к этому был набор обстоятельств, позволявших думать, что шоковые подходы в антиинфляционной политике вряд ли теперь уместны: если уж нам, переживая инфляцию в январе 1992 года из подавленной в открытую, не удалось сразу сделать экономику низкоинфляционной, то с инфляционной инерцией приходится считаться как с фактом. Возможности снять ее одновременным замораживанием цен и зарплатами мне казались крайне опасными в силу укоренившихся традиций, которые могли возродить стереотипы старой экономики. Признавая инфляционную инерцию, приходилось считать ее с ограниченными валютными ресурсами государства, крайней диспропорцией внешних и внутренних цен, а также с закрытым характером экономики, что делает валютный курс слишком грубым инструментом ограничения инфляции. Альтернативный же ограничитель — замораживание только зарплатами без замораживания цен — мне всегда казалась в наших условиях предельно рискованным. Не могу представить в ближайшей перспективе российское правительство, которое проведет замораживание зарплатами успешнее, чем в свое время сделало правительство Рыжкова. Невозможно пойдут исключения отдель-

ным предприятиям, потом в эту дыру прорвется большой круг отраслей, и все развалится, оползив антиинфляционные усилия.

Таким образом, если у вас нет в руках сильных рычагов, процесс подавления инфляции будет неизбежно носить постепенный и долговременный характер. Но шансы на то, что с течением времени возможности правительства возрастут, не лишены оснований. Приватизация и адаптация предприятий к рынку постепенно создадут предпосылки большей эластичности экономики к мерам финансового и денежного сдерживания; одновременно расширятся возможности проведения ограничительной денежной политики, повышется ее потенциальная эффективность. Далее: бюджетные перспективы были, если рассматривать их вне жесткого политического контекста, весьма неплохи, хотя тоже в долгосрочном плане. В общем, по уровню налоговых изъятий мы сейчас, видимо, вышли на планку, вряд ли всерьез можно рассчитывать, что в нынешней экономике можно и нужно пытаться изъять более 30% ВВП, учитывая, что еще 15% уходит на соцстрах. Можно надеяться, что 2 — 3 пункта выигрыша даст повышение эффективности налоговой службы. Но это предел, выше не заберешься.

Объем расходов бюджета в значительной степени тоже задан. К сожалению, основные, самые естественные источники сокращения в течение 1992 года были в значительной степени исчерпаны. Дальше продвижение вперед будет носить довольно тяжелый характер. В ближайшие два года серьезных возможностей сэкономить на оборонных расходах нет; по вооружениям мы вышли на минимум, а сама армия будет требовать многого — вывод войск, строительство жилья... По капитальным вложениям мы также, видимо, на нижнем пороге. Они, естественно, по-прежнему структурно нелепы: но тут задача скорее изменить структуру капиталовложений, а не резать дальше по живому. Расходы по внешнему и внутреннему долгу явно будут сокращаться два года как минимум. Значит, остаются из относительно сокращаемых дотации. Конечно, есть политические моменты, но в общем, по мере устранения резкой диспропорции в ценах, дотации пойдут вниз. В основном по животноводческой продукции. Есть возможности «ужаться» за счет транспортных расходов, но это медленно и тоже не враз. Ну, и крупный источник сокращения — это социальная сфера, хотя реформы жилья и здравоохранения, постепенная разгрузка местных бюджетов — также вопросы не грех сказать, а лет.

На перспективу бюджет смотрелся не так безобразно, потому что все-таки есть неплохая современная налоговая база. Мы сильно рисковали, но это обернулось некими приобретениями — не надо затевать налоговую реформу. И шансы на ужесточение бюджетной политики сохранились, только сдвигались на 15 — 3 года. Попросту говоря, это означало, что нам нет смысла немедленно и резко ужесточать кредитную политику, что подавление инфляции как задачу можно растянуть на 18 — 24 месяца. В этой связи более мягкой виделась конверсия оборонного комплекса, плавный, а не скачкообразный подъем безработицы. Короче говоря, к декабрю у правительства было ощущение, что вместе с задачами подавления

инфляции мы можем позволить себе решать и другие значимые проблемы. Наиболее серьезная угроза такому курсу, естественно, состояла в том, что инфляция осенью достигла 25% в месяц и требовалось четко балансировать ситуацию, чтобы не сорваться. К сожалению, множество лиц, принимающих решения, подвержены убеждению, что гиперинфляция — это такая угроза, которая существует наряду с другими: безработицей, например, спадом производства. На самом деле это наиболее серьезная угроза!

Как тать из-за угла

Развитие событий в декабре — январе опровергло наши оптимистические прогнозы. Собственно, каких-то неожиданных и крутых действий правительства и ЦБ, носящих проинфляционный характер, за это время не сделано. Не менее произошел резкий спад потребительского поведения, темпов роста недельных цен, что свидетельствует об очень неприятных изменениях экономической реальности. Без очевидной связи с предшествующей динамикой денежных параметров в январе недельная инфляция впервые выросла на 10% в неделю, и, видимо, по итогам месяца мы формально выйдем на рубеж гиперинфляции. Во-вторых, начинается лавинообразное падение курса рубля к доллару. Особенно опасно, что это не просто реакция на денежный выброс. Оказалось, что само изменение политического климата способно запустить механизм гиперинфляции. Когда у нас явно проинфляционный ВС, такое же в значительной мере ЦБ, а реконструированное после 14 декабря правительство все-таки разобщено в отношении к инфляции, то это вместе с заявлениями сугубо пропагандистского, а не денежного характера (насколько я понимаю, 300 млрд. руб. на оборотные средства и 200 млрд. на топливно-энергетический комплекс еще толком не использованы), это в корне меняет общественную ситуацию.

Второе: увеличенный парламентом на 150 млрд. руб. бюджетный дефицит 1992 года не профинансирован. Попытка замораживания цен на широкий круг товаров и ресурсов после некоторой суесть отменена. Однако все это породило тревогу хозяйственников и предпринимателей, вызвало скепсис по поводу инфляционных перспектив. А затем как по учебнику: резкое падение спроса на деньги, не связанный с увеличением денежной массы рост цен, инфляционные ожидания подтверждаются, подталкивая новый сброс денег. Таков самораскручивающийся механизм развала денежной системы. Последствия подобного развития событий у нас носят не чисто экономический, а экономико-политический характер. Два-три месяца инфляции свыше 60% повлекут вторичную бартеризацию экономики; ее долларизацию; замыкание на себя региональных рынков, перебои в продовольственном снабжении крупных городов и рецидивы карточного снабжения. Совершенно неизбежно резкое ослабление эффективности контроля центральных органов власти над ситуацией в России (основные финансовые рычаги перестают действовать), мощный удар по производству из-за разстройства хозяйственных связей, особенно тех, которые плохо переводятся на бартерную основу.

И, естественно, утрата смысла инвестиционной деятельности, да и вообще какой-либо осмысленной производственной деятельности с циклом свыше 2 месяцев; прекращение активности на чисто спекулятивные операции и дальнейшее бегство от денег.

Мне кажется, политические последствия подобного сценария крайне опасны, почти наверняка они выведут принимаемые решения за рамки демократических институтов. Отсюда следует, что та относительная свобода маневра, которая, казалось, присутствовала у органов власти в начале декабря, к настоящему времени полностью утрачена. Сейчас мы снова оказались как бы в январе 1992-го, когда есть всего одна задача, решение которой определяет полный крах или относительно успешный успех экономической политики. Это задача заслона и торможения гиперинфляции. В таком ракурсе вопросы структурной политики, поддержки отраслей имеет смысл обсуждать только в случае, если они укладываются в рамки очень жесткой антиинфляционной политики. В этой же связи бессмысленно обсуждать, какую безработицу мы хотим иметь. Любую, которая позволяет нам сдержать такое развитие событий. И опять же излишние споры о допустимом уровне падения производства. Допустим практически любой, потому что спад, вызванный гиперинфляцией, гарантированно больше. К сожалению, даже при осознании такого разворота событий возможности реализации эффективной политики, направленной на торможение гиперинфляции, не слишком велики. В первую очередь это связано с глубокими внутренними конфликтами в структуре российских органов власти. Убежден, что ВС как был, так и останется проинфляционным, и эта его позиция в ближайшей перспективе, скажем, при обсуждении бюджета 1993 г., вряд ли изменится.

Очень многое зависит от ЦБ. Сейчас, на мой взгляд, необходим переход к месячным процентным ставкам, их повышение минимум до 10%. Мера эта абсолютно заданная, потому что все остальное опять же за рамками разумного обсуждения. Боюсь, что и эту меру будет очень трудно провести. Инструменты, которые находятся в руках у правительства, не слишком разнообразны, чтобы гарантированно противодействовать гиперинфляции. Нужно, конечно, умерить собственные аппетиты, включая все формы кредитной подпитки. Расходы бюджета надо финансировать лишь в пределах поступающих доходов. Сознано, как трудно это в условиях начавшейся гиперинфляции: ведь неизбежен двухмесячный лаг между сбором доходов и финансированием расходов; этот разрыв во времени здорово усилит нагрузку на бюджет и будет подталкивать инвестиционные намерения. Некуда, как говорится, отступать и с санацией убыточных предприятий, наreshиваются жесткие санкции к тем из них, кто не выполняет финансовые обязательства. Следует повысить акцизы на ряд товаров, особенно импортных. Можно растянуть или вообще отказать от индексации оборотных средств предприятий, льготных кредитов. Короче, набор мер понятен. Но есть сомнения, что они будут осуществлены достаточно последовательно: политика ЦБ не всегда согласована с правительством, а само правительство неоднородно в своих взглядах на проблемы экономики. Разрозненные же меры не дают большого эффекта.

Отсюда следует вывод: если вероятность разгона гиперинфляции остается сейчас сравнительно высокой, то, планируя политическую стратегию, президенту, видимо, надо быть готовым к тому, чтобы вынести на референдум 11 апреля такие вопросы, решение которых в обстановке гиперинфляции укладывает действия властей в рамки конституционных и демократических норм. Но я бы не хотел дальше комментировать этот сюжет...

Подготовил
Александр БЕККЕР